

18+

Евгений Полонский

Фаллический СМУТЬЯН

Евгений Полонский
Фаллический смутьян

«Издательские решения»

Полонский Е.

Фаллический смутьян / Е. Полонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607078-3

Каково жить в мире, где родные для каждой русской души три буквы оказались вне закона? Смогут ли без них светские дискурсы и заборы сохранить былой шарм? Куда теперь должны идти мечты? И, наконец, найдется ли в стерильном оплоте высокой морали место любви? Ответы на все эти животрепещущие вопросы даст книга великого, но никому не известного русского писателя Евгения Полонского. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-607078-3

© Полонский Е.
© Издательские решения

Содержание

Закрытая тусовка	6
Не пробуждай воспоминаний	9
Тишина за Рогожской заставою	13
От звонка до звонка	17
Организация	21
Хуиная воля	23
Успехи и разочарования	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Фаллический смутьян

Евгений Полонский

1. Слово «Хуй», а также его производные – иные слова, содержащие в корне слог «ХУ» и следующие за ним буквы «Й», «И» или «Е» в прописном, строчном или смешанном вариантах, запрещены к употреблению и (или) распространению на территории Российской Федерации в письменном, устном, графическом и прочих видах, как слова, несущие крайне деструктивный оттенок, отрицательно сказывающийся на морально-этическом, психологическом, политическом и культурном климате населения Российской Федерации, а также прививающие негативные установки среди населения Российской Федерации.

2. Использование букв латинского алфавита или иных символов, имеющих визуальное и (или) звуковое сходство с описанными в п.1 настоящей статьи буквами кириллицы, в случае правонарушения приравнивается к использованию кириллицы.

3. Запрещается создание образов из физических или нематериальных предметов, имеющих явное визуальное сходство с описанными в п.1 и п.2 настоящей статьи буквенными конструкциями. Также запрещена фиксация таких образов на электронные или иные носители и распространение полученных материалов любыми способами.

4. Лицо, произведшее употребление или распространение слова «Хуй», либо его производных, либо иных запрещенных вариаций, описанных в п.1, п.2 и п.3 настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

5. Под распространением не подразумеваются действия, направленные на осведомление государственных органов о правонарушении.

© Евгений Полонский, 2023

ISBN 978-5-0060-7078-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закрытая тусовка

Все смешалось в памяти Ивана: разочарование жестяным конструктором – издевательским подарком родителей на пятилетие, триумф первооткрывателя в деле сотрудничества руки и члена, хождение по лезвию срамных дел в школьном клозете, свет закатного солнца на панельках спального района, зачем-то сданные вступительные экзамены в институт, весенние дожди.

Вряд ли Иван мог стать протагонистом отчаянно прогрессивного сериала, где главный герой терзается состоянием своего ментального здоровья в перерывах между страстным соитием в эллинском стиле. Нет, он был логиком, уповающим на разум, но живущим ради буйства чувств, как и любой нормальный человек. По крайней мере до определенного возраста, и обычно этот возраст приходит сам. Говаривают, именно из-за разочарования этого возраста еще Есенин благополучно повесился в номере Англетера – и это в то время, когда ипотек в России еще не было. Но иногда этот возраст к тебе насильно приводят люди, до зубов вооруженные канцеляритом, предписаниями и указами. Верные заветам Пугачевой, они все сделают неслышно, пока весь город спит – есть такая профессия: слегка помочь пламени сердца потухнуть.

Когда закон приняли, выяснилось, что даже самые именитые тарологи не смогли предугадать, что сначала они придут за «хуем». Ну подумаешь, какие-то люди вдруг решили, что именно слово «хуй» испокон веков мешает нам во всем, несет негативные установки, убивает культуру, дьявольской силой слова превращает будущего светила науки в клинического долбоеба. Мол, если сто раз услышишь слово «хуй», то сам невзначай станешь хуем и даже оглянуться не успеешь. Первыми тревожными предзнаменованиями послужили пламенные речи медийных деятелей – спортсменов, музыкантов, актеров, режиссеров. В ответ острые на язык противники культуры злостно переиначивали фразу самой Сары Коннор: если уж спортсмены научились ценить истинную красоту слова, то может и мы научимся это делать? Как Годзиллы после радиоактивного дождя росли тома историков, социологов и философов, кои даже самому заядлому фанату тренингов личностного роста доходчиво объясняли, почему «хуй» – это бездна, в которую нельзя долго смотреть.

Это было уже шесть лет назад. В тот день ничего не предвещало для 23-летнего Вани беды, а вовсе напротив – вечер сулил возможность вкусить сладких пиздяных соков, как куртуазно выразался знакомый Вани, а потом и сам Ваня. Они отправлялись в снятый на выходные загородный домик на межзвездных масштабов пьянку – ах, бывают ли другие в 23 года? Наличие в домике целых трех свободных и практически незнакомых девушек внушало оптимизм. Ваня мог рассчитывать на успех, будучи не самым последним представителем рода мужского – он был эрудирован, поджар и даже не слишком страшен. Сей расчет перевесил тот факт, что с представителями мужской стороны домика Ване было не особо интересно. Каждый из них был таким его другом, которого можно легко забыть на много лет, не теряя решительно ничего, а скорее даже приобретая. В любом случае, ему не хотелось оставаться наедине ни с одним из них, по крайней мере по причине тотального безразличия Вани к профессиональному спорту и автомобилям.

Еще в начале вечера Ваня обнаружил, что духовно-нравственное состояние Александра находится на недостижимо высоком уровне. Во-первых, он пришел на тусовку в строгой белой рубашке фасона «Менеджер месяца». «В такой не стыдно и на семинар по мотивации прийти, и в гроб лечь», – подумал Ваня. Во-вторых, из пламенных речей Александра стала понятна его преданность культуре:

– Ну если это слово действительно не дает нам нормально, блядь, по-человечески развиваться, то я не вижу в этом запрете ничего плохого. Тем более это не я говорю, это уче-

ные говорят, ученые! Даже профессор Игнатов – лично я ему верю. Да и посмотри на ту же Европу – почему-то у них без этого все получилось, и у нас без этого получится. Понятно, что это не главное, но это шаг, и это уже неплохо.

– А что, на твой взгляд, главное? – вопрошал Ваня.

– Знаешь, сложный вопрос. Все важно, если в целом. И этот закон тоже, но он, конечно, не главный.

– Так, а что главное? – вновь вопрошал Ваня, ожидая услышать что-то по-настоящему стоящее.

– Пожалуй, наш русский дух. Его ничто не сломит. А ведь пытались много раз, но ни у кого не получилось. Думаю, именно чем именно мы по-настоящему сильны, так это особым духом, – уверенно ответил Александр.

– Решительно согласен. Дух наш тверд, как хуй, – резюмировал Ваня, хотя ему и хотелось добавить, что сильны не только духом, но еще и особой формой черепа. Но они же с Александром были друзьями – зачем наносить столь предательский удар ножом практически в спину.

Смех окружающих, натянутая улыбка Александра. Ему явно было глубоко чужд махровый антирусский настрой Вани, в коем последний был уже неоднократно им уличен, но виду Александр не подал. Да и потом, они же были друзьями.

Вечер тем временем продолжался. Ваня, выбирая между сладостью рома и пиздяных соков, мастерски сделал выбор в пользу первого и в скором времени безмятежно отрубился на полу. Озорная смешинка достигла самого дна горла окружающих, когда Ваня начал говорить во сне. Оставшиеся на ногах немедленно достали телефоны. «Арривидерчи, господин», – изрек спящий Ваня, чем вызвал дикий хохот окружающих. И если 19 ноября 1942 года разделило ход Второй мировой войны на «до» и «после», то следующая сонная фраза Вани стала разделителем его жизни, хоть он, не будучи наделен экстрасенсорными способностями, еще и не мог знать об этом. «Хуй», – загадочно сказал он.

«Так зло и ненужно», – пел когда-то артист, мастерски предугадав будущее человечества, а попутно и участь Ивана более чем век спустя. Так зло и ненужно прозвучал для Вани вызов в суд. Он не мог понять зачем кто-то передал видео в полицию. Он подозревал Александра, но не мог понять одного: зачем? Ваня рассуждал логически: «Это явно не Александр. Ему в этом выгоды – никакой. Тогда кто? Кому-то скинули посмеяться, и среди этих кого-то оказался пламенный адепт культуры? А ему зачем? Может видео распространилось вирусно и случайно попало полицейскому, у которого горел план? Да, скорее всего так и было».

Иван рассуждал в парадигме логики и здравого смысла, но не учитывал, даже отвергал, не хотел верить, что иногда в действиях представителей самого разумного вида на планете не стоит искать логику вовсе. Иначе, если допустить такое, то разве достоин человек этого высокого звания? Что такое разум, если не прекрасный союз логики и знания? Вероятно, единственное дитя логики и знания, достойное порицания по итогам того рокового для Вани вечера, именовалось дистилляцией. А он даже не знал имени подлеца, который несколько тысячелетий назад вдруг понял, что температура кипения спирта ниже температуры кипения воды, и спирт таким образом можно испарять отдельно от воды. После чего вновь конденсировать с помощью специального аппарата. Чертов безвестный шалопай.

До судьбоносного слова судьи дело Ивана прошло через десяток инстанций и сотню другую людей. Оно прошло через всевозможные отделы, комиссии, комитеты и заседания. И везде, на каждой ступеньке, очередное очень ответственное лицо предельно ответственно ставило на бумаге свою печать. Никто, ни один из сотен людей, узрев безумие бумаги, не проорал самым диким воем. Они, как водится, всего лишь выполнили свою работу, после чего буднично сняли с вешалки куртку и пошли домой, к жене, дитятку и вечернему отдыху.

«Признать Родимцева Ивана Андреевича виновным и назначить ему наказание в виде десяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого

режима», – навек отрезал судья душу Ваню от веры в человечество и человечность. И если Лавкрафт писал когда-то о существах столь чудовищных, что нет слов, достойных их описания, то так же нужно охарактеризовать чувства Ивана в тот момент.

Какое бесчисленное количество бесценного опыта, драгоценных знаний, волшебных переживаний, сколько перипетий чувств испытывает один-единственный человек за часть жизни. Сколько других людей черпают от него, дают ему, узнают вместе. Сколько смеха и слез, сколько тоски и радости, сколько закатов и восходов, столь прекрасных в нашей скоротечной единственной жизни. И как легко все это уничтожается в один миг росчерком казенной ручки. И ни один нерв на кирпичном лице слуги Фемиды не дрогнет. «*Dura lex, sed lex*», – безразлично пожимали плечами новоиспеченные Цицероны в дорогих кондовых костюмах. *Dura lex, sed lex*, ведь закон – это не придуманная и одобренная кучей людей сущность, это что-то типа скорости света – как ни крутись, превозмочь не получится.

Ване не дали ни с кем проститься. «Не положено!» – раздался голос со стороны судейской трибуны.

Ваня очутился в тюрьме с потрясающей скоростью. Доселе необъяснимый физический факт: сила притяжения тюрьмы превышает таковую у планеты в целом. Иван не совершил губительную метаморфозу в ярого поклонника творчества Михаила Круга, нет – за следующие шесть лет ему удалось сохранить ясность сознания, несмотря на ультимативно пиздецовое бытие. Сохранил он и нездоровый шуточный оптимизм, без которого продержаться было проблемно. Он лежал в камере и рассуждал: «Да, шесть лет прошло, лучшие годы, но тюремное заключение по степени насыщенности счастьем, в принципе, мало отличается от увлекательного ипотечно-кредитного путешествия из развода в развод большинства тех, кто остался на воле. Да и дети тут не орут – только взрослые».

Но чего Ваня навек лишился, так это пламени в сердце. В этом нет ничего странного – тюрьма, как известно, блестяще вылечивает пламень сердца, блеск глаз и прочие нездоровые для нормального богобоязненного гражданина вещи. В далеком и не очень прекрасном 19-м веке пламенный социалист Достоевский вернулся с живительной каторги убежденным сторонником православия, самодержавия, народности, а заодно и нацизма – таковым он навсегда и остался. Что это, если не подтверждение реальности Чуда и эффективности тюремной системы?

Но в любой бочке с калом должна-таки плавать ягодка годжи. Сегодня, спустя шесть лет бодрящего перевоспитания, Ваня выходил из тюрьмы по УДО. Ему было почти 30 лет, но он не собирался повторять опыт Есенина – для такого нужно сначала написать прекрасные стихи, и у Ивана их не было. Да и вообще ничего не было.

Не пробуждай воспоминаний

Так сложились злые звезды, что родители Вани умерли, пока он нагло пользовался преимуществами полного государственного пансиона. Еще в 70-х годах 20-го века советские ученые предсказали наличие фермента, который бы отвечал за регенерацию окончаний клеток – теломер, а практически существование этого фермента, теломеразы, подтвердили аж в 1984-м году. Дело в том, что озорные клетки нашего организма могут делиться ограниченное количество раз, после чего они остывают к этому делу – теломеры полностью стачиваются. После этого клетки или перестают делиться, или начинают делиться неправильно, хаотично, ставя счастливого обладателя сих клеток меж двух стульев. Или, как политкорректно сказали бы древние, между Сциллой и Харибдой. Среди ученых мужей бытовало мнение, что на первом стуле сидит один из механизмов старения, а на втором – рак. Поскольку даже спустя полвека теломераза так и не поступила в аптеки, Ваниным родителям ничего не оставалось, кроме как хорошенько, в последний раз, отдохнуть на втором стуле.

Ваня вернулся в мир, где его не встречал никто, кроме гостеприимного проливного дождя. Впрочем, Иван был рад любому природному явлению, от засухи до тайфуна, если оно не было отгорожено от него забором с колючей проволокой. Через день Иван уже был в родной Москве, где его ждала пустая темная квартира и увлекательное приключение поиска и последующей работы 5/2. На этапе поиска возникли некоторые проблемы – за последние шесть лет Ваня мало практиковал программирование и слегка потерял навык. Скорее даже совсем. Навык можно было восстановить, но для этого нужно было время, а время требовало, как минимум, еды, которая, в свою очередь, требовала денег. «Этот замкнутый круг подобен замкнутому кругу собачьего ануса», – зачем-то вслух философски рассудил Ваня. «Ануса-нуса-нуса», – музыкально отозвалось печальное эхо по пустому помещению.

Ему ничего не оставалось, кроме как быстро найти работу, куда возьмут любого – вакансии менеджера по продажам радостно откликнулись на чаяния Ивана. Крупные компании с приличными окладами, как они выражались, «пока не были готовы» сделать Ване предложение, а времени ждать, когда славный час приглашения на работу таки наступит, не было. Ваня подумал, что безумен когда-то решивший, что вырубить написанное пером нельзя – оказалось, проблемно вырубить и следы просто сказанного вслух. Лучом солнца сквозь коричневые тучи потенциальных работ пробилось предложение о холодных продажах услуг небольшой стоматологической клиники. На следующий день Иван уже благополучно прошел собеседование – благо, для этого было достаточно иметь IQ больший, чем ноль.

– Наш вординг, да, должен быть понятен потенциальному клиенту, да? – зачем-то постоянно добавляла вопрошающе-утвердительное «да» девушка на собеседовании. – Какой бы тон оф войс, да, вы избрали для достижения максимальной лояльности в коммуникации с клиентом? – спросила она у Вани.

Возможно, единственное хорошее, что ему дала тюрьма – это то, что он начал забывать странный диалект офисной коммуникации, повсеместно используемый гордыми наследниками Пушкина. Но интуитивно Ваня мгновенно понял, что его спрашивают про стиль общения. Он решил паразитить собеседницу.

– На лоялити лучше всего работает деловой, но в то же время ультимейт френдли стиль, – с ходу импровизировал Ваня.

«Не переборщил ли я, не прозвучало ли это издевательски», – сразу встревожился он, но лицо собеседницы быстро развеяло тревогу – на лице отразилось глубокое удовлетворение ответом, хоть за ним и не стояло никакой хоть мало-мальски содержательной мысли.

– Это неплохо мэгчится, да, с главными правилами клиентской коммуникации, мы тоже так считаем, – довольно ответствовала девушка.

– Ах, право слово, это ведь и было бегинингом нашей беседы, – победоносно завершал диалог Ваня.

Начало было многообещающим, и Ваня мгновенно вышел на построение новой карьеры. Волшебный мир бизнеса был как всегда щедр – разумеется, у Вани не было потолка зарплаты. А зарплата, в свою очередь, зависела только от Ивана. Он избегал таких многообещающих предложений в 23 года, но сейчас ситуация была иной – Ваня приехал в офис, и начал послушно обзванивать десятки людей еженедельно. В Выхино, где располагалась клиника и по счастливой случайности жил Ваня, было достаточно людей. У многих выхинских людей было не все в порядке с зубами, а у некоторых из них даже были деньги.

Увлекательные рабочие дни шли своим рабским чередом.

– Почему ты не используешь работу с возражениями? Эти скрипты писались для всех! – в один прекрасный вечер изрекли упрек уста Кирилла, Ваниного руководителя.

Кирилл стоял над Ваней, слепя его своей рубашкой с мудреным узором. Все звонари знали: Кирилл служил целую срочную службу в разведке в Дагестане. Он был целеустремлен, как рытье земли, и стремителен, как утреннее построение. Для него не было невыполнимых задач.

– Так почему не дожимаешь их, блядь? – строго переспросил Кирилл.

Иван понимал всю тщетность положения, в которое он попал. Во-первых, он старался минимизировать коммуникацию с Кириллом, но это получалось не всегда. Во-вторых, он понимал, что логическая аргументация перестает быть таковой в разговоре с Кириллом. Но другого выхода не было – нужно было попробовать, но постараться сделать это мягко.

– Да потому что, блядь, им не нужно лечить зубы. Он дважды это сказал и бросил трубку, – отвечивал Ваня.

– Ты что, самый борзый? – мастерски парировал Кирилл. – Значит нужно его сестре, жене, его мамаше, теще его. Ты это узнал? Ты это, блядь, узнал?!

Формально Иван этого не узнал, и сие было прекрасно известно Кириллу, слышавшему разговор. Но также было очевидно, что человек на том конце провода не намерен был продолжать разговор. Это было очевидно Ване, это было очевидно всем присутствовавшим в помещении. Возможно, это было очевидно даже Кириллу, но честь устава звонка была поправа, а отступать – это в не в стиле разведки. Да и в его словах было столько уверенности, что иной сторонний наблюдатель искренне поверил бы в упущенную возможность, а может и вовсе понял, что нет высот, что взять нельзя, и немедленно вдохновился бы, как минимум, на открытие собственного колл-центра.

– Нет, не узнал, – без всяких «но» отвечивал Иван. Он понял полную бесперспективность начатого сражения.

– Ну так узнавай в следующий раз! Или может тебя устраивает, блядь, голый оклад?! Нужно всегда, всегда, блядь, повышать свои показатели, – победно и уже даже несколько потцовски резюмировал Кирилл.

Дела на поприще продаж зубного волшебства шли с переменным успехом, но все же шли. Новая жизнь чем-то зловеще напоминала тюрьму – как минимум, четким расписанием и непроглядным отчаянием. Пустые дни слились в вязкую массу, по консистенции подозрительно напоминающую говно. Иван был абсолютно один в довольно неприветливом мире заработка денег на низших должностях в Выхино. А сколько таких несчастных шли в свои квартиры каждый вечер, и монотонно повторяли это из раза в раз, практически до конца своей жизни. «Для того ли Спартак в последний раз седлал своего коня при Силаре? Вероятно, нет», – робко предположил Иван. Он шел домой с работы и краем глаза уловил давно примелкавшийся свет – вывеска «Продукты» разила его зрение электричеством. «А почему бы и нет», – подумал Ваня. И был день недели пятый, и зашел он в магазин. Ваня решительно взял бутылку недорогой водки, пачку помидоров и направился к кассе.

– Вам стаканчик нужен?

– Нет, я один, – ответил Ваня кассиру.

Ваня зашел к себе домой и рухнул на матрас. Он и правда был совсем один, и лишь вихинский ветер пел за окном свою песню. Водка начала теплое путешествие вглубь Ваниного туловища. Парадоксально, но вслед за новой и новой партией путешественников, Ваня все отчетливее и отчетливее вспоминал время, когда все было иначе. Это было время открытий – в Москве оставалось еще так много незнакомых мест, неизменно озаренных солнцем. И пусть у Вани не было денег, прямо как сейчас, но тогда они, казалось, и не нужны – достаточно было лишь доброго спутника рядом, ну и пластикового стаканчика с жутким дешевым пойлом в руке. Почему-то он помнил, как впервые увидел Шуховскую башню в словно заставшей во времени Шаболовке, он смутно вспоминал неожиданность поселка Сокол посреди ревушей Москвы, он видел, как сейчас, двухэтажные домики Курьянова, потерявшие счет десятилетиям, он воскресил в памяти сквер рядом с Новодевичьим, орошенный теплым весенним дождем. Тогда все было впервые: первый взятый аккорд, первый вступительный экзамен, первая сданная сессия, первая девушка, сделавшая ему неумелый и прелестный минет где-то среди бесконечного безумия рубежа второго и третьего десятилетий жизни. Казалось, это было еще вчера, но Ваню и эти воспоминания разделяло десять лет и много пудов разочарований и горя. Воистину, краток век у забав.

Смотря водочные грезы, полные светлой тоски, Ваня видел себя в третьем лице, хоть это и невозможно. Что поделать, такова природа долговременной памяти – она сходна с воображением. Его ужаснула мысль, что он уже и не помнит многих из тех, с кем он делил беззаботную лету юности. Он задумался: а может он вовсе выдумал это? Но нет, на видео памяти с ним был еще один человек – Лиза. И он помнил каждый ее взгляд, ее прекрасный тихий голос, то ее сообщение, отзвук которого и сейчас ласкал сладким медом измученную душу: «Иногда мне кажется, что ты мне нравишься». И если Ваня уже начал забывать эпическую романтику первых поцелуев за гаражами, то сакральность других, настоящих первых встреч ему уже не забыть.

Он не забудет первое, едва заметное прикосновение руки – ах, сколько в нем было электричества – как будто вся программа ГОЭЛРО было сосредоточена между их телами. Он навек запомнит всю сладость того сакрального поцелуя в предрассветном полумраке, чтобы не потерять ее больше никогда. Впрочем, никогда – это, увы, несбыточно для человека, но пока сердце Вани бьется, он будет хранить в нем эти мгновения.

Иногда мужчина готов отдать многое, если не все, за один лишь заветный поцелуй одной лишь заветной девушки. Но зачастую этот поцелуй, да и прочие прелестные дары девичьего тела, получают другие. Дары достаются им легко, в этом нет ничего для них сакрального – в каждом из этих парней нет и сотой доли таких же чувств, как у несчастного воина любви. Есть в этом что-то чудовищно несправедливое, и тем бесценнее настоящее совпадение, которое познают лишь немногие. Пусть это совпадение и тленно, как, увы, все на третьей от Солнца планете, а может и во всей бесконечной Вселенной.

Ваня и Лиза были вместе недолго, но этого оказалось достаточно, чтобы его сердце в будущем всегда искало лишь похожую на нее, пусть тогда Ваня этого еще и не понимал. А может, не понимал он этого и сейчас – водка уже довольно надежно защищала его разум от рационализма. И даже не слишком важно, почему их пути в какой-то момент разошлись. Ваня и сам толком не помнил почему – возможно, он, аки заправский спермобак, с присущей ему политкорректностью назвал ее любимым фильм «эстетским бессмысленным высером», а может она по-девичьи нежно и пьяно поцеловала в гостях кого-то совсем немного отличного от Ивана. Но ветер локальной истории безжалостно смел эти пустяки, оставив в памяти Вани лишь свет когда-то ярко горевшего пламени.

Они не поддерживали связь, хотя Ваня и внимательно наблюдал за ее житием через соц-сети. Он лелеял надежду, что он нужен ей так же, как она ему, но нового заветного сообщения так и не поступило. Вероятно, ее гордость была столь же тупа и беспросветна, как и его. «А может она просто и легко положила на меня свой жилистый ментальный болт», – рассуждал Ваня. Действительно, когда Ване выпало пройти Владимирским трактом, она ни разу не приехала, не обозначилась весточкой, хотя не могла не знать, что за «хуй» он попал в тюрьму – будь благославен 21-й век. «Может просто подумала, что это будет нелепо, – подумал Ваня. – действительно, сколько таких Вань было у нее. С чего ты взял, что именно ты был тем единственно-нужным Ваней. Да и всегда у нее были какие-то странности, какие-то странные принципы. Та еще, блядь, уникальная снежинка», – интеллигентно рассуждал Ваня. Но он не мог ничего с собой поделывать – начиная примерно с нижней границы этикетки, все его думы были заняты лишь ею. Может не только водка активировала его романтические нейроны, сколько всесокрушающее одиночество и отчаяние. От них он прятался в прелестном прошлом, где она была главным воспоминанием.

Аккурат к окончанию бутылки Ваню сразила мысль стремительная и неотвратимая, как бросок советских танковых армий в Висло-Одерской операции: им нужно увидеться. Человек, выпивший довольно много водки, не менее стремителен и неотвратим – через пять минут у него уже были ее контакты. Да будь благославен 21-й век. Ваня старался писать сухо, под стать вину, но получилось ли – этого понимания у него уже не было – пил он все-таки водку. Он ей написал, он практически прокричал ей сообщением – им нужно, нужно встретиться. В его воспаленном мозгу рисовались мечтательные фантазии, как Лиза напишет в ответ что-то а-ля «сколько же лет я ждала этого сообщения! Все эти годы я думала только о тебе, мой внутриклеточный самец! – а потом добавит, словно заправский царь Леонид. – Приди и возьми!»

«Я не против встречи. Только, пожалуйста, давай не будем слушать «Лесоповал», – ответствовала она.

Тишина за Рогожской заставою

«Кредит на свадьбу в банке Омега – возьми счастье за рога», – гласила надпись на рекламном билборде около площади Рогожской заставы. Ваня стоял и ждал Лизу. Водка покинула его организм, и теперь он волновался – прошло много лет, о чем они будут говорить? «Было бы глупо себя обманывать – мои мысли были только о ней. Но точно о ней? Может не о ней вовсе, а о том, что было когда-то давно с ней. Теперь же все изменилось. Сколько лет... Зачем я вообще ее позвал, тупая ошибка. На что я надеюсь? И нужно ли надеяться?» Чем дольше он стоял, изнемогая от неизвестности, тем тревожнее электричество бегало между его нейронами. Но вот он увидел знакомый силуэт: черные волосы, прелестная талия. Нет, она совсем не изменилась, как будто прыгнула в криогенную камеру и вылезла только сейчас. В его голове почему-то возник образ известного терминатороборца Кайла Риза, яростно вопрошающего «какой год?!» у полицейского.

– Ну здравствуй, Иван! – слегка улыбаясь, сказала она.

Ваня расплылся в мудацкой улыбке и зачем-то подавился слюной.

– П, бх, ривет! – отвечивал он.

Он думал, обнять ее или не стоит – вроде сама она не тянулась к нему. Но что это? Ее скромное движение вперед – какой маленький шаг для Лизы и какой огромный шаг для измученной Ваниной души. Дружеское объятие. Он так много хотел ей сказать, но теперь все вылетело из головы. Однако, эрудиция оказала ему сомнительную помощь.

– Знаешь, почему эта площадь называется Рогожкой заставой? – внезапно изрек он.

Вопрос застал Лизу врасплох.

– Эээ, нет. А что?

– На месте современного Ногинска, ех. Богородска, когда-то было село Рогож. Оно стояло на дороге, которая шла к этой заставе.

Лиза скромно улыбнулась. Они пошли вперед в неловком молчании. «Выдай уже что-нибудь, только не тупую фигню», – думал он лихорадочно. На траверзе Андроникова монастыря Ваня собрал электрические разряды мозга в кулак: «Знаешь, есть версия, что хлебное вино, прообраз водки, придумали в одном из монастырей Москвы в 16-м веке. Кто знает, может именно тут монахи древней Москвы старались, чтобы спустя века твой дядя-алкоголик имел возможность пропить телевизор аж в Ебурге. Вот тебе и бабочка крыльями взмахнула».

Почти за семь веков твердыни Андроникова монастыря видели многое: жизнь и смерть Андрея Рублева, опричников Иван Грозного, завоз благородных трупов с Северной войны, поступь солдат Великой армии, самолеты с крестами над Москвой... Возможно, они могли бы сказать даже больше, чем ненавистный всем российским школьникам дуб-философ из «Войны и мира». Но далеко не факт, что они видели человека, выдавшего что-то столь же нелепое. Не считая, разумеется, людей, живших тут по служебным обязанностям. Но Лиза любила такой юмор. И хорошо она не подозревала о том, что это вовсе не задумывалось шуткой.

– Ну у тебя и память, все помнишь, – искренне смеясь, сказала она. – Довольно похвально. Но оно и понятно – попробуй не натренируйся, когда нужно все нюансы понятий в голове хранить. А то цена ошибки высока. Матерые волки понятий очки шелкают, как орехи. Сам, наверно, знаешь? – заключила Лиза.

– Ты тюрьмогомофобка, все с тобой понятно, – ответил Иван, сделав максимально серьезные глаза.

По мере их движения вдоль трамвайных путей, атмосфера старого и лампового сменяла неловкость новой встречи.

– Лиз, а сестра твоя что? Поступила в институт, наверно?

– Да, на третьем курсе сейчас. Прикладная этика – шутка ли.

– Этика – не подорожник, не совсем понятна польза от ее прикладывания. И куда они ее прикладывают аж пять лет? Что они там вообще делают?

– Довольно интересный досуг. Пьют, курят, подозреваю, даже трахаются – золотое время. Ну попутно ходят на пары, слушают, что думали всякие мыслители с большими бородами. Ну в общем то, что обычно читают в интернете ради интереса, только они это делают сидя за столами в большой аудитории. Образование верно прогрессивным образовательным традициям – все прямо как сто лет назад. А статью из Википедии зачитывает им дядя-профессор, только не из Википедии, а из утвержденной РосГосОбрПрогрКнижПрофом методички. Зря, что ли, лучшие умы от прикладной этики ее составляли. В этой же методичке, подозреваю, находится ГОСТ чтения лекций: «Лекция должна зачитываться максимально уныло и безучастно. Рекомендуемая одежда для чтения лекций: серая». Некоторые особо рьяные преподаватели там даже свои этические теории развивают. Кто-то их оценивает, критикует, еще что-то делает. Правда, подозреваю, у оценивающих нет другого выбора – если они вдруг тоже захотят свою этическую теорию, ее же тоже кто-то будет должен оценивать, так? Ну и плюс социализация государственного типа, как я ее называю – где еще научат лизать человеку жопу, если он занимает более высокую позицию в локальной институтской иерархии. А уж если он еще и прожил больше... Уважать старость – что может быть более прикладным и более этическим? Навык уважать кого-то за год рождения на дороге не валяется, этому только там учат.

– А что представляют из себя этические теории? – вопрошал Ваня. – А то у меня последние годы только практика.

– Я не знаю. Тут без гуглежа не обойтись. Срочно вбивай «кровь, говно, бинарные опционы» – где-то там должно быть. Но без этических теорий в современном мире совсем никак. Сам подумай – вот идешь ты на типичную для нас интеллигентную тусу, а там как обычно? Водка, меф, диалектика Гегеля. И тут ты врываешься с новой этической теорией, как Красная армия в Берлин. Ладно, черт с ним. Мы не виделись давно, очень давно. Расскажи, что произошло, как ты после всего этого? Мне не все равно, что с тобой.

Последние слова Лизы обласкали Ванино сердце медовой брагой. Они звучали, как признание общности их душ. Ну по крайней мере Ване так показалось.

– Вестимо, ты и так знаешь в общих чертах. Дали десятку, шесть лет был на тюрьме, потом выпустили по УДО. Там не было ничего такого, что стоило бы внимания, правда. Я же не в Петропавловке был за покушение на царя. Задумчивых философских писем никому не писал, но и «Лесоповал» слушать не начал. Ничего не изменилось особо, только грустно стало все как-то. Знаешь, даже стыдно как-то, абсурдно все получилось. Лучше бы убил кого. Тем более кандидаты есть – на работу вот устроился. Там все зависит только от меня, – ответил Ваня. – А ты как? Замуж наверно вышла?

– Ахаха, ты ко мне подкатываешь? – засмеялась Лиза.

– Конечно, нет, – максимально уверенно постарался ответить Ваня.

– Ага, вышла. Кольцо специально перед встречей с тобой сняла. Подумала – ты же из тюрьмы вышел, наверняка сразу отвезешь меня в роскошный отель, мы там закажем ужин и дорогое вино, ну а потом пламенный секс при свечах. Вот и сняла, чтобы тебя не смущать, а то вдруг передумаешь. Только ты вышел, а я никуда я не вышла, сейчас не до этого, – загадочно закончила она.

Ваня не понял, как воспринимать ее ответ. «Да, тут бы не помешало знание этических теорий», – подумал он.

– Кто тебя сдал в итоге? Саша? – прервала она скоротечные Ванины размышления.

– Не знаю, никто не сказал. Думаю, нет. Зачем ему?

– Не знаю. Ну а кто еще мог?

– Да кто угодно. А кто, например, мог захотеть умышленно сделать свою женщину послушной протирательницей пыли путем повреждения мозга? А знаешь сколько народу своих

жен в этих целях когда-то на живительную лоботомию записали? Мир – так себе место. Нам явно не хватает хороших этических теорий, – резюмировал он.

– Вышел из тюрьмы и ассоциируешь себя с женщинами – все с тобой понятно, – усмехнулась Лиза, на полную эксплуатируя анальный юмор. – А Саша тот женился – все по нашим классическим канонам. И два ребенка у них, и жену пиздит, и все у них хорошо.

– Прямо пиздит? – зачем-то уточнил Ваня.

– Прямо пиздит-пиздит, – конкретизировала Лиза, сделав нарочито страшные глаза.

– А откуда ты знаешь?

– Инфа проверенная. Ну и она, Валечка, счастливая мама двух зайчиков и лучшая жена, не отстает от семейных ценностей – ебется отчаянно, всю себя в пизду вкладывает, – уважительно завершила Лиза.

– Не с ним?

– Ну и с ним, наверно – этого уже не знаю.

– Пф, я думал ты светская львица, а ты так, темная девица.

– Ну там прямо классика брака, короче говоря, – резюмировала Лиза.

– И неужто из-за таких прецедентов ты не хочешь замуж? – спросил Иван.

– Кто тебе сказал, что не хочу? Я скорее еще не решила. Да и такие прецеденты – это крайности, пусть и довольно распространенные, но все же крайности. Я просто не совсем понимаю зачем. Знаешь, вот ты смотришь на тех, которые организовали «все как у людей». И я не понимаю зачем. Видно, что они уже давно не любят друг друга. Если вообще когда-то любили, а не родители им сказали на какой-нибудь классной семейной посиделке с водкой под сенью настенного ковра: «Ужо пора жениться – подошел возраст. Все мы так делали, и вам ужо пора. А там и детишки забегают, и чинно душа в душу заживете». Ну а они что? Они послушно взяли ручку и поставили на бумажке с гербовой печатью свои подписи. Как будто эта бумага имеет хоть какое-то, хоть самое крохотное отношение к любви. Любви покорны все возрасты, и вообще практически все, но не формальности и бумаги с гербовой печатью. Любовь блюет тугой струей при одном только слове «брачующиеся». Но брачующиеся сделали первый шаг, теперь нужно делать и следующий, ведь НА НИХ ЖЕ РОДНЫЕ СМОТРЯТ. И дальше все идет зловещим комом, катящимся исключительно по пизде. И хорошо, если он прикатится к меньшему из зол – к разводу. Это просто пропавшее время, хоть и некоторый опыт. Но многие, хоть и не большинство, начинают тянуть это по инерции. Увы, все имеет срок годности, и в какой-то момент их жизнь превращается в просроченный зловонный пиздец. Рутинный, скучный, мертвый, в котором нет места огню любви. Там есть место протокольному походу в ресторан чинно попить вина с общими друзьями. Да я вижу их лица каждый день – они идут в ближайший от их квартиры ресторан через дорогу, садятся, цедают эту слабоалкогольную жижу, а на мордах их читается разочарование во всем. Но они все зачем-то изображают благополучие. Зачем? Вот чего я не понимаю. И они растекаются этой коричневой лужей по обхарканному асфальту жизни, чтобы в один прекрасный день бесследно и навсегда стечь в говносток. Впрочем, возможно, они к этому и стремятся – в говностоке же следующая, лучшая жизнь.

Ваня получал удовольствие от ее речи. Он ловил истинное наслаждение от той грубости, что выдавал ее негромкий нежный голос, и он был согласен с ней.

– В этом нет огня, понимаешь? – закончила Лиза.

– Наверно, да, – уклончиво откликнулся изувеченной судьбой Ваня.

– А что тебя так волнует вопрос о моей свадьбе?

Ваня почувствовал в этой фразе расположенность и даже игривость, как ему показалось. И только он собрался воссиять от этого чувства, как Лиза расчехлила свой ментальный бомбардировщик Ту-95, немедленно сбросивший на Ванины надежды бесконечные мегатонны разочарования.

– Знаешь, если ты правда строишь какие-то планы, то я сразу предупрежу: ничего не будет. Ни-че-го. Я помню, что было. Да, было неплохо, но эти воды река давно унесла, – категорично отсекла она и зачем-то махнула головой в сторону Яузы.

Ваня не понимал. «Если было хорошо, то почему бы и нет попробовать вновь? Это же просто и логично. Да, действительно странные у нее принципы. Даже ебанутые, наверно», – философски рассуждал Иван про себя. Он почему-то вспомнил стихи:

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

– И знаешь, на фоне всего того бесконечного мрака, что творится в мире и у нас, есть дела и поважнее, – внезапно продолжила Лиза. – Хуй, – тихо, но решительно произнесла она.

Ваня не понимал, что происходит, но столь внезапный перепад выглядел странно и внушал тревогу.

– Хуй, – повторила она громче и увереннее.

– Тише, услышит же кто, – неуверенно произнес он.

– ХУЙ! – практически крикнула она в ответ.

– Мне завтра на работу, стоматология сама себе клиентов не приведет, – ответил Ваня и поспешно растворился во мраке Лефортова.

От звонка до звонка

– Ты, блядь, не слышишь клиента! Ты что, в своей испражнительной колонии слух потерял? – триумфально звучал эlegantный мастер-класс по продаже стоматологических услуг от Кирилла.

Ваня сидел и молча вкушал говно, падающее на него мощным водопадом. Его мысли были о другом – мечты купить с премии удобную табуретку становились все призрачнее.

«Что это, если не глубинное единение со всем нашим многомиллионным народом», – оптимистически рассуждал Ваня, смакуя говнище. Он многократно приходил к мысли, что большая часть трудоспособного населения страны так и не стала космонавтами, предпочтя звон кассового аппарата бесконечному мраку межзвездных пространств. Было ли предпочтение добровольным, повинны ли в этом сами люди? Ваня склонялся, что да. Он считал, что высоты не берутся без боя, и презирал фатализм в стиле «ну что я могу поделывать». Но он не склонен был к идеализации духа и включению режима мотивационного тренера в стиле «нет ничего невозможного». Наоборот, он понимал, что невозможным было практически все. И любая гнусная случайность, будь то воля мудрого государственного мужа или проблема со здоровьем, могла сузить и так не слишком широкое окно возможностей до маленького тюремного окошка, а то и вовсе до размеров пчелиной пизды.

Ване повезло... ну или, по крайней мере, везло до какого-то момента. Ему пришлось лишь сейчас и в бесконечно далеком студенчестве прыгнуть в омут типичной для Среднерусской возвышенности работы. И до сих пор ему не приходилось испытывать на себе гениальные изобретения руководителей больших компаний. Он не мог понять, почему продавцов-консультантов в магазинах огромных сетей с многомиллиардным доходом заставляли выкупать просрочку, почему их же заставляют, вопреки всем написанным на казенной бумаге законам, платить за украденный из магазина товар из своего кармана.

Он знал про бодрящие человеческое достоинство обыски на входе и выходе для сотрудников парфюмерных, спортивных и многих других магазинов, он знал про исполненный смыслом запрет садиться на стул в течении рабочего дня – за такие прогрессивные маркетинговые эксперименты сам доктор Менгеле возжелал бы пожать руководству холдинга руку.

Как-то незаметно такое бытие стало обыденностью для десятков миллионов людей от Калининграда до Владивостока. Ободряемые нежным ветерком Балтики или Тихого океана, рано-рано утром, не успев вкусить кожей солнечную радиацию, миллионные массы шли в свой последний, решительный и легальный бой за хлеб и воду. И весь мир дисциплинированно шел с ними в ногу.

«Ну есть в этом и положительные моменты – зачем нам были бы нужны 130 миллионов космонавтов», – пришла Ване в голову оптимистическая мысль.

– Ты, сейлз года, ты меня вообще, блядь, слушаешь? – прервал Ванины рассуждения Кирилл.

Ваня лишь промолчал, опустив голову. Он рассудил логически – ответ «да» спровоцировал бы вопросы-следствия в стиле «тогда почему ты все еще такой тупой», а ответ «нет» спровоцировал бы праведную волну командирского гнева. Молчание же оставляло неопределенность, в которой был хотя бы небольшой, но шанс на постепенное снижение накала мощной лекции по искусству продаж, в то время как ответы «да» или «нет» такого шанса не давали вовсе. Выбор был очевиден, но бутерброд опять упал на Ванино лицо стороной с говном.

– Нет, ты реально глухой, блядь. И ладно бы ты был глухой к моим словам, но ты глухой к клиенту! К клиенту! Как ты планируешь зарабатывать, если ты не хочешь, чтобы зарабатывала стоматология? Или ты думаешь, мы тут, блядь, меценаты?!» – оперировал Кирилл словом «мы» так, будто стоматология принадлежала ему.

Ваня не мог понять этого рвения, которое даже не оплачивалось, да и за хамство вроде как не премировали. В то же время советы Кирилла не несли никакого практического смысла, и для любого человека, iq которого был выше нуля, было очевидно, что они не работают, то есть не несут никакой экономической выгоды как для стоматологии, так и для самого Кирилла. Ваня недоумевал как возможно, что таких людей назначают на работу, отличную от шпионского внедрения в среду инфузорий-туфелек. Но факт упорно оставался фактом – именно Кирилл заставлял Ваню дегустировать кал, а не наоборот. Не сказать, что Ваня был спокоен, как удав, но он предпочитал стараться не замечать проблему, даже когда она наступала ему на ногу. Все равно поделаться с ней он ничего не мог. Да и больше всего в тот день его заботило другое – что произошло с Лизой вчера вечером?

В сознании Вани вчерашняя внезапная метаморфоза Лизы не укладывалась ни в одну логическую концепцию. «Что она хотела мне сказать, что собиралась донести? И собиралась ли что? Может у нее просто поехала крыша от одиночества? Да она и раньше была немного поехавшая. Хорошо хоть, что не начала голову на 360 градусов поворачивать». – не мог найти ответов Ваня. Какая-то смутная искра проскальзывала в его голове, но Ваня никак не мог ухватить ее за хвост, если онный у искры и имелся.

Дело близилось к спасительному вечеру. Ваня, как всегда, записал в CRM-систему отчет о своих текущих рабочих показателях, финальный дневной отчет и отчет руководителю «не менее, чем из 400 символов», после чего немедленно приступил к моциону к дому. Всю дорогу мысли о Лизином поведении его не отпускали, а на траверзе магазина «Продукты» начали даже злиться. «Как она могла позволить себе так безответственно себя вести? Этим она поставила под угрозу не только себя, но и нас обоих. А если кто-то записал бы это? Или просто услышал? Ей хорошо бунтарствовать, а с меня хватило. Хотя порядки в тюрьме были в целом такими же, только стимулы другими», – поймал себя Ваня на неожиданной мысли. «А вообще, хоть бы написала и объяснилась, тупая пизда, но нет – друг, оставь покурить, а в ответ – тишина», – позволил себе в мыслях сексистские нотки Ваня. Он уже начинал подумывать написать ей сам, хотя бы ради удовлетворения собственного любопытства, но остатки гордости были решительно против. Да и Ваня не был уверен в том, что Лиза не исполнит что-то типа вчерашнего, но в переписке, а это было уже даже страшновато.

В невероятных душевных терзаниях Ваня зашел в подъезд и увидел приветливо торчащую из почтового ящика бумажку – то затаился в коварной засаде счет за ЖКХ. Ваня взял нежелательное послание и поднялся в квартиру. К любопытству и злости добавилось чувство неопределенности – финансовые возможности Ивана не то, что были скромны – они практически отсутствовали, поэтому излишне большой счет на оплату не укладывался в его, как мудро изъяснился бы Кирилл, файнэншл менеджмент. Несмотря на все сомнения, Ваня храбро открыл конверт и, как это часто бывает в нашей скоротечной жизни, худшие его опасения подтвердились. Счет не только превышал его финансовые возможности, но и физические – даже если бы он мыл у себя дома всех желающих во всем бескрайнем Выхино, такого количества воды вылить бы не получилось. «И вечный бой! Покой нам только снится». Завязав нервы в узел и взяв волю в кулак не менее решительно, чем член, он набрал в телефоне номер компании, коя метко называла себя эксплуатирующей. Но лишь слова надменного робота были ему ответом: «Пожалуйста, перезвоните в рабочее время». Ваня был в предвкушении завтрашнего дня, ибо рабочее время эксплуатирующей компании, как нетрудно догадаться, совпадало с его рабочим временем. Но у Вани уже созрел не шибко хитрый, но очень жертвенный план – заняться вопросом в обеденное время. Обладая природным оптимизмом, Ваня подумал, мол, заодно и денег на картошке сэкономлю. С этими мыслями он и отправился в сладкое царство Морфея, мечтая увидеть осознанные сновидения, в коих, возможно, окружающий его мир будет более приспособлен к приятному досугу.

Растворяясь в мыслях о действиях Лизы и сладком забытьи, Ваня не мог знать, что мир настоящий в силах разрушить даже мир сновидений – важнейшим фактором, требованием, позволяющим достичь осознанного сновидения, является здоровый и полный сон. А мир настоящий не настолько щедр, чтобы предоставлять своим обитателям возможности для такого.

Ванин план дал сбой в первые 30 секунд следующего рабочего дня.

– Ты лишаешься обеденного перерыва за плохие показатели предыдущей недели, – ответил Кирилл только что вошедшему Ивану. – Нам нужно выполнять план, а не жрать целыми днями.

– Слушай, я все понимаю, но план изначально очень трудновыполним. Тем более он дается на месяц, а на той неделе был лишь небольшой недобор, – неуверенно пытался парировать Ваня.

– План будет таким, каким я захочу. Трудновыполним – это отмазка для, блядь, слабаков, которые не хотят зарабатывать деньги – нашей стоматологии такие не нужны. Не должно быть невыполнения плана даже по одному дню, – последовал решительный, как драка в казарме, ответ.

Расписывая в CRM-системе план работ на день, Ваня лихорадочно думал, как же ему поступить. «Если выйти в туалет и позвонить там, то Кирилл обязательно услышит. Если выйти на улицу, то Кирилл обязательно проверит, что я делаю на улице», – рассуждал Ваня. Плюс ко всему очень некстати он захотел в туалет, не успевая дописать план работ на день до необходимого времени – даже собственная физиология предательски открыла фронт против Ивана!

Минуты работы тянулись мучительно, как в тюрьме, а все Ванины мысли крутились вокруг страха, что из-за несвоевременной оплаты счета может последовать жуткая государственная кара – проценты от невыплаченного счета. А ведь потом может быть уже поздно! Он, не имея опыта, терялся в догадках, не знал, какие могут быть последствия, и поэтому он был уверен – нужно позвонить и все узнать. Примерно на десятом безрезультатном звонке потенциальному клиенту в его голове созрел план: он позвонит в эксплуатирующую компанию, но делает вид, будто разговаривает с клиентом. Осталось только собраться – Ваня смотрит на часы и назначает сам себе время звонка. Ход времени сразу же предательски ускоряется. Ну вот он берет в потные руки телефон и набирает телефон компании – обратного пути уже. Гудок. Еще один. Ваня бросает взор на Кирилла – тот занят своими делами. «Наверно в косынку играет», – ехидно подумал Иван. Внезапно в трубке прозвучал голос.

– Эксплуатирующая компания «Мастер Сервис Эксперт», Светлана, чем могу помочь?

– Светлана, добрый день! Это Иван Родимцев.

– Чем могу помочь? – с некоторым недоумением переспросил голос из трубки.

– Да, это я живу в квартире 31 на Ферганской 14 корпус 5. Если для вас это прям так важно.

Ваня невзначай посмотрел на Кирилла и встретился с его подозревающим взглядом.

– Я по поводу счета, – продолжал Иван осуществлять свой надежный план.

– Важно? О чем вы? И какого счета? Да, дом наш.

– Ну счета. Он один, который мой.

– Какая квартира?

– 31.

– Вы про последний счет за ЖКХ?

Ваня вновь мельком бросил взгляд на Кирилла – казалось, слово «счет» должно было ввести его в умиротворение, но не было учтено одно – слово «счет» хоть и являлось довольно коммерческим, но в звонках по продаже стоматологических услуг обычно не фигурировало. Но отступать было уже некуда.

– Да. Почему вам кажется, что счет очень большой?

– Что?

– Да, кажется, что счет очень большой, – уже с утвердительной интонацией повторил Иван.

– Сейчас, я посмотрю... Ууу, действительно немалый. Выглядит странно. Нам потребуется время, чтобы разобраться. Давайте мы вам перезвоним, хорошо? Продиктуйте ваш номер.

Иван выдохнул с некоторым облегчением и продиктовал свой номер, после чего решил поставить финальную точку.

– Когда я могу вам перезвонить, чтобы узнать ваше решение – сегодня или завтра?

От произнесенного словесного оборота Ивану показалось, что что-то подступило к его горлу. В противовес этому, лицо Кирилла приняло более одобрительный вид.

– Мы все узнаем и сами вам перезвоним.

– Хорошо, спасибо большое, удачного дня! – сказал Иван и завершил звонок.

Все прошло так, как он задумал. Оказывается, ходить по лезвию можно, а он не так уж и плох. Это вселило в него некоторую уверенность.

– А зачем, блядь, клиенту нужен был твой адрес? – спросил у Вани Кирилл.

– Там женщина очень мнительная, остерегается мошенников, у всех, кто ей звонит, всегда спрашивает адрес и полное имя.

– Ну ясно, блядь, – философски заключил Кирилл.

В этот вечер Ваня шел домой победителем. Он смог, он сделал, он справился вопреки всему. Он мог добиться всего. «Нет, жизнь, ты меня не выебешь», – победоносно размышлял он. Как беда не приходит одна, так и за победой следует победа. Телефон в кармане Ивана завибрировал. Он устремил взор на экран – там было сообщение от Лизы: «Так, понимаю, все это выглядело странно, у меня такое бывает. Но больше не будет) Если хочешь, встретимся, и я смогу объяснить».

Если бы Иван был персонажем нуарного фильма, то закадровый голос в этой сцене наверняка сказал что-то а-ля «от него пахло виски, а от нее – неприятностями». Иван почувствовал в этом вызов. «Да», – уверенно написал он в ответ.

Организация

Почему-то Лиза сказала, что встретиться им надо в Выхино. Иван не был против – перемещение по городу стоило денег, а незапланированно выпитая недавно бутылка водки и так губельно сказалась на его бюджете. В назначенный час Иван был на месте и тут же увидел Лизу. Она сразу взяла его некстати вспотевшую руку, чем вызвала у Вани вдохновение, радость, новое нежелательное повышение потоотделения и даже немного эрекции. «Пойдем, – сказала она. – Я тебе даже не объясню, а покажу». Они направились к железнодорожной станции, что изрядно испугало не кишачий деньгами карман Ивана. К Ваниному счастью и стыду, Лиза сама оплатила два билета, и через 15 минут они уже погрузились в винтажного зеленого красавца, который понес их в просторы, расположенные за пределами МКАДа.

Вот милое розовое кольцо Москвы уже прорвано – они оказались на территории повышенной стабильности: кто-то благородно попивал баночку крепкого пива, а женщина с ребенком на руках отчаянно перебежала от контроллеров на остановке.

– Куда мы едем? – решил спросить Иван.

– В Люберцы, – просто ответствовала Лиза.

– А зачем?

– Ты хотел объяснений – я тебе их дам, – последовал интригующий ответ.

– Можно поподробнее? – вновь робко полюбопытствовал Ваня.

– Можно, но лучше один раз показать, чем сто раз рассказать. Знаешь, я была честна – на меня произвели лютое впечатление события с тобой. Тогда я решила, что такого быть не должно, просто не должно. И за это нужно бороться. Уверена, что ты тоже нас поддержишь.

Иван несколько напрягаться. Хвостатая искра вновь летала между его несчастными нейронами, не давая себя схватить.

– Лиз, может ты скажешь мне? Кого «нас»?

– Я боюсь, что ты можешь испугаться, если я скажу заранее, – хитро ответствовала Лиза.

Она знала на что давить.

– Хорошо, воля твоя. Но когда я боялся? Не неси муть, – полностью удовлетворил Лизу своим ответом Иван.

Вскоре они высадились и устремились на окраины города сквозь цветастые дома с миллионами окон, пивные магазины, парикмахерские и аптеки. Иван пытался идти уверенно, но происходящее уже совсем перестало ему нравиться, когда они свернули на какую-то заброшенную железную дорогу и пошли по ней. Видя Ванино волнение, Лиза поспешила приободрить его: «Не волнуйся, просто это самый удобный путь». Через несколько минут они вышли к огромной новостройке.

– Ну вот мы и пришли.

– А зачем нам сюда? – растерянно вопрошал Иван.

– Тут все наши. Сегодня у нас собрание, и я хочу, чтобы ты тоже на нем присутствовал.

Лиза набрала номер квартиры, а из домофона донеслась фраза: «У Москвы большие амбиции». «Но Люберецкие карьеры глубоки», – уверенно ответила Лиза. Дверь открылась, и они вошли в подъезд.

– Вы в какую, молодые люди? – строго вопрошала пожилая консьержка.

– В 708-ю, – ответствовала Лиза.

– А, ну хорошо. А то повадились тут эти черные в 650-ю ходить. Черт его знает, что они там делают! Наверняка ничего хорошего, еще и на своем что-то говорят, черт их разберешь что говорят, аж уши вянут. Ну нужно же уважать страну, где находишься. Может они и задумывают что, – сетовала бдительная консьержка. – В следующий раз вызову полицию, пусть разберутся с ними, – зачем-то поделилась она своим строгим решением с Лизой и Ваней.

Лифт умчал их на 23-й этаж новостройки. Дом обладал такими масштабами, что его не осмелился бы штурмовать ни судья Дредд, ни даже Суворов. И вот 708-я отварила им свои врата – на пороге их встречал невысокий упитанный мужчина с бородой.

– О, это вы Иван? Лиза о вас много рассказывала. Это большая честь для меня, без преувеличения, – сказал человек, протягивая Ване руку.

– И для меня, – на автомате сказал Ваня, смущенно пожимая руку незнакомца и уже коря себя за идиотский ответ.

– Я – Олег. Ну проходите же, проходите, – сказал мужчина.

Ваня зашел в квартиру, Лиза зашла за ним. Он сделал еще шаг, нечаянно задев плечом забитый куртками шкаф, и сразу же оказался у большого раскладного стола, стоящего по центру квартиры-студии. За столом сидели люди и о чем-то увлеченно спорили, не обращая ни Ваню никакого внимания.

Иван наконец поймал хвост той неуловимой искры. Он вспомнил, что видел как-то на каком-то полупустынном канале пост про организацию, которая клялась приложить все силы, дабы «возродить ЕГО, возродить всю нашу природную мощь, вернуть наше достоинство». Он вопрошающе посмотрел на Лизу, а она немедленно подтвердила его догадки.

– Мы – Членство, – сказала она, исполнив свои слова мрачной решимостью.

Хуиная воля

Тесная студия вдруг целиком наполнилась звуком ударов кулаков по стене и криком: «ДА ПОТИШЕ ВЫ ТАМ УЖЕ, БЛЯДЬ! ВАМ ЧТО, ПО ЕБАЛУ ДАВНО НЕ ЗАЛЕТАЛО? ДАЙТЕ ПОСПАТЬ ПОСЛЕ СМЕНЫ!» Судя по отчетливости и громкости голоса, стена была сделана из материала, который вовсе не гарантировал ее непробитие кулаками, тяжело бьющими по ней из соседней квартиры. Компания за столом притихла. Олег проорал в сторону стены: «Станислав, хорошо, не злитесь, будем потише!» Из-за стены послышалась резюмирующая фраза «пидорасы», после чего Станислав, судя по всему, вознамерился продолжить нелегкие попытки заснуть.

– Это Станислав, мой сосед, он ветеран боевых действий и работает охранником в клубе, – ответил Олег, глядя на недоумевающего Ваню. – А это наша организация, знакомьтесь!

– Привет, Гриша, – представился строго одетый молодой человек и потянулся к Ване рукой.

– Боря, – мрачно ответил облаченный во все черное мужчина.

– Привет. Я – Лена, – поприветствовала Ваню эффектная и ухоженная блондинка с рисунком в виде короны на ногтях.

– Шатилов, Коля, – представился небритый грузный мужчина, одетый в широкую выцветшую рубаху и вельветовые брюки.

– А это, друзья, тот самый Иван Родимцев, о котором так много нам рассказывала наша прелестная Лиза, – закончил знакомство Олег.

Ваня растерялся, он не понимал зачем он тут и что ему делать.

– У вас тут что-то типа, кхм, собрания? – выдал он.

– О, да. Сегодня у нас очень важное собрание. Мы обсуждаем план наших дальнейших действий по восстановлению исторической справедливости, по восстановлению нашей чести и достоинства. Мы должны вернуть «хуй» людям, – ответил Олег.

Ваню слегка передернуло. Он давно отвык от столь свободного оперирования «хуем».

– Не волнуйтесь, Ваня, вы в кругу друзей, – продолжал Олег. – Теперь, когда вы с нами, мы будем еще более вдохновлены нашими идеями. Когда среди нас человек, принявший столь мученическую долю, можно сказать, за всех нас. Знаете, когда я был еще совсем юным прихожанином Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, я понял, как важно ценить людей среди нас, которые принесли жертву во имя благого дела. Как они поднимают наши души на правое дело, как возбуждают в нас самые лучшие помыслы. Знайте, Иван, вам будут всегда рады тут, и двери нашей штаб-квартиры всегда открыты для вас отныне.

– Завязывай с этой хуйней, это явный перекосяк. Мы же договаривались, что без перекосяков. Мы с самого начала договорились, что свои личные убеждения друг другу не навязываем, даже, как там это называется, завуалированно. Если уж мы все за Россию. Традиция славянских богов подревнее будет, но про них все молчат, и никто их не навязывает, – грубо и решительно отрезал облаченный во все черное Боря.

Иван мрачно охуел от того, куда он попал. Два чувства нахлынули на него – желание немедленно уйти отсюда подальше, дабы избежать возможного повторного долгосрочного вкушения казенных харчей, и гордость, что именно его, Ивана, тут воспринимают столь благородно, как настоящего героя революции. Когда-то знаменитый команданте получил свое прозвище «Че» за то, что постоянно оперировал этим нетипичным для кубинского диалекта испанского языка термином, который можно перевести на русский как «слышь». Ваня на секунду мечтательно представил себя в роли бравого Ивана Эйбля Родимцева, но тут же остепенился, когда его страдальческий язык будто вновь ощутил привкус тюремной пищи.

Но ведь была еще и она. Иван бросил взгляд на Лизу, смотрящую на него с надеждой. Спасти себя или не подвести Лизу и не упасть в ее глазах? Хорошо, когда в роковые моменты кто-то может принять решение за тебя – по злой иронии, таковым управленцем оказался хуй Ивана, который устремился на свободный стул и уверенно потянул оставшуюся часть тела за собой. Лиза удовлетворенно улыбнулась, чем вызвала у Вани прилив гордости и даже надежды, встала рядом и взяла слово.

– Ребята! Я говорила, что приведу к нам настоящего человека – я свое слово сдержала. Теперь я хотела бы, чтобы Олег, как председатель организации Членство, ввел Ваню в курс дела. Что мы из себя представляем, за что боремся и как собираемся устроить нашу борьбу.

– Иван, как я уже говорил, это большая честь для меня, что вы в этот день находитесь с нами в нашей штаб-квартире и сидите с нами за одним столом. Наша организация, как вы, вероятно, уже поняли, называется Членство, а цель наша очень проста – свобода. Мы считаем, что принятый больше шести лет назад чудовищный закон нарушил наши фундаментальные права, он уничтожил свободу нашего самовыражения, он эксплуатировал самые лживые и отвратительные тезисы, которые только можно было придумать. Мы решили бросить этому самый решительный вызов. Мы очень разные, придерживаемся разных политических взглядов, разных точек зрения на различные вопросы, но нас объединяет одно – любовь к свободе и неприятие этого фашистского по своей сути закона. И мы намерены бросить ему вызов. Иисус ненавидел запреты...

– Ну хватит с этим, блядь, – танковой группой ворвался в монолог Боря. – Хватит с Иисусом. Мы договорились, а русское слово – это закон. Учеными доказано, что Иисус, как персонаж, был придуман только в 14-м веке, чтобы держать народы Европы, в том числе русский народ, в узде. Все средневековье – следствие этой политики контроля. Этому есть миллиард доказательств, и мы договорились, повторяю опять, не упоминать вещи, которые могут нас разобщить. Мы должны сплотиться!

– Боря, хорошо, – ответствовала Лиза. – Я согласна, не стоит всегда упоминать Иисуса. Давайте я скажу немного подробнее почему мы тут, почему я тут. Нас действительно считают за свою собственность, а собственность – это рабство. Какой-то господин желает, чтобы мы были его послушной игрушкой, с которой можно делать все, что угодно. Пока сам господин бессмысленным запретом дерзко ебет светлые идеалы здравого смысла и нас заодно. Но в нас еще горит огонь, и казенная государственная бумажка с уродливой печатью нас не запугает – она только усилит этот огонь и сгорит в нем. Да, в нашем мире массово существуют голод, бедность и тренинги личностного роста, но есть в нем и прекрасное – оно внутри нас. Наша страсть, наше сострадание, ритм каждого из миллиардов наших беспокойных сердец. Живому ритму этому тесно в рамках общественных догматов, его не удержать примитивным запретом, его не сломить бездумным порицанием толпы. Наш огонь не потушить! Но наш век краток, как миг. Как же мы проведем его? Быть может в убогом мещанском спокойствии, послушно просидев всю жопу и жизнь на работе? А по выходным, взяв ненавистного мужа или жену, дочь или сына, будем ездить смотреть на вычурные усадьбы? Будем пересекаться там взглядами с такими же несчастными и молящими, чтобы это протокольное мероприятие быстрее закончилось? И однажды, в очередной раз припарковав свой кредитный автомобиль на ближайшем засранном пруду, разбив засранный мангал под бухие вопли коллег по отдыху, мы ощутим жгучую боль. Это боль по невзятым рубежам, это огонь страсти, залитый водкой ужасных шашлычных тусовок. И мы горестно потерем свое обвисшее тело, когда с ужасом осознаем, что уже поздно. Что уже все прошло, а мы не провели время в борьбе. Мы потушили в себе огонь, предпочтя ему безрадостное проживание лет в безвольном соглашательстве.

– ДА БЛЯДЬ, ВЫ МЕНЯ РЕАЛЬНО ЗАЕБЕТЕ, – вновь послышался голос из-за стены, но почему-то без продолжения.

– Потихе, прошу, друзья, – сказал Олег.

– Лиз, ты точно овен по гороскопу, – ответила Лена на речь Лизы. – Я тебя понимаю. За свободу надо бороться. Как-то в отеле в Турции меня решили жутко прокатить – я заказала дайкири, в который мне не налили рома. Дайкири без рома, прекрасно. Нет, это все мелочь, понимаю, не подумайте, я не ставлю это в пример, но из таких мелочей все и состоит. Тогда я дошла до администратора и добилась решения проблемы, вот и теперь мы должны постоять за себя, полностью согласна. Да, плохой пример, согласна, но, я думал, все же довольно показательный. «Хуй» нужно вернуть, иначе все эти мелочи вместе превратятся в невыносимую жизнь для всех нас.

– Лен, да при чем тут твой гороскоп и Турция? Я вообще не понимаю, что ты тут делаешь вместе со своими разукрашенными ногтями! – яростно сказал Боря. – Ты даже адрес этой квартиры не можешь запомнить! Запиши его хоть где-нибудь!

– Я не могу сделать этого из соображений конспирации.

– Что не можешь? Запомнить адрес?! – продолжал кипеть Боря.

– Мы все верим в наши права и не допустим их нарушения, – вклинился в диалог Гриша. Нас объединяет то, что мы верим в Россию, которая должна превратиться в свободную страну, страну возможностей, где не будет запретов, где у всех будут равные права и возможности, где каждый своим умом сможет добиться для себя лучшей жизни. Иван, добро пожаловать!

– Добро пожаловать, друг! Да здравствует Членство и наш очередной съезд! – добавил Коля.

– Расскажите о себе, Иван, – попросил Олег.

– Нууу, я даже не уверен, что в моей скромной биографии есть что-то, заслуживающее внимания, – отвечивал Ваня.

– Как же вы попали в тюрьму? – спросил Олег.

– Случайно. Как водится, не за что, – пошутил Иван, но никто даже не улыбнулся.

– Ваня, случайности не случайны, – ответила ему Лена. – Все это предрешено, и тебе, хм, не знаю как сказать, начертано было бороться. Это судьба, от нее не уйти. Нам всем начертано тут быть.

Иван улыбнулся, но быстро понял, что никто больше не улыбается.

– Думаю, чертатель моей судьбы немного обосрался, – попытался отшутиться Иван.

На этот раз компания засмеялась, но смех продолжался недолго – последовал мощный стук, сопровождаемый криком «НУ ЧТО, БЛЯДЬ, ОТКРЫВАЙ, ПОГОВОРИМ», на этот раз уже в дверь. Взоры присутствующих устремились на Олега, который нехотя поднялся и подошел к двери. Еще более нехотя он повернул ключи в замке, и дверной проем обнажил образ Станислава. Он был одет в домашнюю одежду, но настроение его было отнюдь не домашним.

– БЛЯДЬ, Я ЖЕ ПО-РУССКИ ГОВОРЮ, НЕ ШУМИТЕ, БЛЯДЬ! И НЕ КУРИ В ПОДЪЕЗДЕ БОЛЬШЕ! Я ТЕБЕ ЭТО ГОВОРИЛ?!

– Станислав, да, но мы говорили не слишком громко, как нам казалось...

– КАЗАЛОСЬ ТЕБЕ, БЛЯДЬ, ДА?!

Станислав толкнул Олега, тот отскочил назад. Боря собирался вскочить из-за стола на подмогу, но расчетливая Лиза, словно ее знак зодиака обладал еще и способностью предугадывать будущее, задержала его легким движением руки.

– ЕЩЕ РАЗ ЭТО ПОВТОРИТСЯ, Я ВАМ ЕБАЛА РАЗЛОМАЮ, – отвечивал слегка успокоившийся Станислав, после чего столь же решительно отправился назад по направлению к пункту своей почти постоянной дислокации.

Олег закрыл дверь, вернулся к столу и подвел итоги собрания Членства:

– Друзья, в целях конспирации, я думаю, нам стоит перенести собрание на то время, когда Станислав будет на смене.

Успехи и разочарования

Гриша шел в обратный путь к станции вместе с Ваней и Лизой. Остальные членствующие пошли другим путем – как они ответствовали, для конспирации.

– И все же за этим будущее. Инвестировать тоже надо с умом, – вещал Гриша. – Многие у нас хотят всего нахаляву, привыкли сидеть на шее у государства. Так мы ничего не добьемся – только усердной работой можно добиться результата. Нужно работать, если хочешь достичь успеха, и по 12 часов в день, если придется. И так пока не получится.

– В какой профессии? Профессии сын? – добродушно иронизировала Лиза.

– Вот ты смеешься, но есть огромное число примеров, когда человек своим мозгом, своим упорством достиг всего, – невозмутимо отвечал Гриша. – И таких примеров, больше, чем примеров с сыновьями.

– Покажешь статистику? Иначе это всего лишь твоя субъективная оценка, – все так же добродушно, но решительно парировала Лиза.

– А какая тут может быть статистика? Статистика воли предпринимателя?

– Да очень простая – мы можем формально разбить всех богатых людей на несколько групп по размеру стартового капитала, с которым они начинали. Только обязательно учитывая и скрытые капиталы – если у тебя формально не было денег, когда ты начинал, но тебе брат/сват подогнал по связям контракт на большую сумму, то этот контракт тоже надо считать в качестве стартового бабла, согласен? Я уж молчу про случаи, когда у тебя все контракты всю жизнь такие, и тебе даже не нужно грамотно использовать стартовый капитал.

– Ты мыслишь нашими реалиями. В условиях здоровой конкуренции такое невозможно.

– Да ладно? Стив Джобс, Билл Гейтс? Ты ведь знаешь об их тернистой и прям отчаянно нелегкой тропинке к успеху?

– Это тоже некорректный пример, – упорно отвечивал Гриша.

– Да когда же мы уже корректный найдем? – с подозрительно доброй усмешкой спрашивала Лиза.

– Совсем недавно читал историю одного парня у нас, из России. Он сам с нуля разработал приложение, но не просто собрал его через какой-то сервис, а сделал прям свое полноценное приложение с системой умной генерации цен на продукт в зависимости от множества факторов. Причем он ради этого научился кодингу. Продукт тоже его – куча образовательных программ по маркетингу и техническим вещам. Ну, например, «Программирование в маркетинге за 5 месяцев с нуля». Таких программ у него несколько. И, что самое интересное, он эти программы взял из личного опыта – он сам прошел кучу всяких курсов, и не только научился всему, чему хотел, но и на основе своей практики сделал продукты, которые компилируют все лучшее из обучения, и не включают бесполезного. Мало того, он сам разработал и сделал механику продукта, дизайн, тексты, инфографику и все-все-все. Реально все сам. Запустил и заработал много денег. Человек много усердно работал и добился своего – чем тебе не пример?

– А в чем он ходил все время, пока работал над всем этим? В шкуре хуя Джигурды после линьки? – неожиданно выдала Лиза.

– Что? – с некоторой растерянностью и смехом спросил Гриша.

– Ну как бы тебе намекнуть... На какие деньги он одевался и обеспечивал себя, например, таким малозначительным продуктом, как еда? Ну смотри. Ты говоришь, мол, он начал с прохождения кучи курсов. Допустим даже, на тот момент он решительно порицал своих коллег-предпринимателей, и все курсы нашел бесплатно – пусть будет так. Потом он длительное время их проходил и, стоит думать, оттачивал свое мастерство. Потом он начал писать свое приложение и свои курсы – тоже не пять минут займет. Это все очень и очень трудозатратно для одного человека – вероятно, все это время он нигде не работал, иначе бы ему и десяти лет

не хватило на изучение и создание всего этого дела. Только не надо отчаянно мотивирующей хуйни, мол, он все это учил и делал, работая на двух работах – уборщиком в клинике для людей с хронической диареей и менеджером по холодным продажам сверхмалых презервативов. Мол, после работ он приходил домой, отчаянно учился и работал, расправив свои атлантические плечи. А спал по 23 минуты в сутки, но потом был вынужден уменьшить эту норму до 19 минут, ибо начал изучать еще и дизайн. Какой бы ты не был мотивированный и целеустремленный, ты принадлежишь к виду, который по странному стечению обстоятельств зовется Человеком разумным. А у этого вида есть свои сугубо биологические особенности, которые нельзя превозмочь даже всей мотивированностью и целеустремленностью мира – тебе надо хотя бы жрать и спать. В идеале еще и срать, простите уж. Ну а если тебе совсем благоволит удача, то и иметь помещение, где ты все это можешь делать. Все это требует денег. Поскольку твой герой имел кучу времени на изучение и создания всего-всего, то значит он нигде не работал дооолгое время. Это прям железно. Вопрос знатокам: откуда он брал деньги на хотя бы самые базовые потребности, необходимые для базового удержания бессмертной предпринимательской души в нашем бренном теле? Вероятно, у него уже были откуда-то деньги?

– Накопил, может...

– Может и накопил. Надолго этих накоплений хватит, если он работал на обычной работе, а не директором какого-нибудь ООО «РосГосХозМосТоргСбыт» с зарплатой в миллион рублей? А я что-то не видела нигде вакансий с зарплатой в миллион рублей. Знаешь, похоже, что твоему предпринимательскому самородку кто-то таки помог. Не готова утверждать наверняка, но очень на это похоже, если размышлять логически. Я не спорю, что всякое бывает – всегда есть шанс выловить щуку в луже с говном, но шанс этот очень мал. Причем по объективным и не зависящим от нас причинам, вот я к чему.

Иван шел и жадно ловил каждый звук ее голоса, он наслаждался ее речью, иногда расплываясь в идиотской улыбке. Он был доволен и собой – сегодня он был молодцом, он не ударил в грязь лицом. Он жалел лишь о том, что когда в квартиру вошел чудовищный Стас, ломанулся на выручку Олега не он, а Боря. Ваня уже прокручивал в голове сценарии, как он выходит победителем из неравной схватки, а Лиза взамен покрывает его сверкающие доспехи поцелуями. Это было по-детски, но остановиться он уже не мог – воспаленный разум вовсю рисовал и сладостное продолжение, стоны Лизы в котором ласкали Ванино эго, а сама Лиза ласкала Ваню наиболее приспособленными для этого частями тела. Но пока Лиза шла и вела беседу сугубо с Гришей – Ване стало очевидно, что несмотря на разность интересов, у этих двоих имеются точки соприкосновения, и Ване не хотелось, чтобы одной из сих точек оказалась Лизина вагина. Именно поэтому он попытался ворваться в диалог. Если когда-то давно, когда еще небо было голубым и стоял член, Ваня мог сделать это довольно оригинально, то сейчас бытие совместно с волнением внесли некоторые корректировки.

– Гриш, а кем ты работаешь?

Лиза почему-то мило улыбнулась, а Гриша нехотя начал отвечать.

– Да я то тут, то сям. Ищу свою сферу, если вкратце.

– А сейчас чем занимаешься? – продолжал гнуть свою линию оригинальности Ваня.

– Сейчас временно в ТЦ кидголл-кэтчером.

– А что это?

– Это развивающая работа с детьми, пришла к нам недавно.

– Ааа, ясненько, – бесславно закончил свой мощный врыв в диалог Ваня.

– А еще я запатентовал стол-раковину с подводкой воды, – спасал Ванины надежды и свое доброе имя Гриша. – Это стол с подводом воды и небольшими бортиками по периметру столешницы. Фишка в том, что тебе больше не нужны ни тарелки, ни салфетки. На этом столе ты можешь нарезать себе еду и сразу ее есть, вообще исключив посуду из процесса – вода потом смывает все со столешницы, плюс в любой момент ты можешь включить воду, чтобы помыть

руки. Получается очень удобно – тарелки не нужны, следовательно, не надо тратить на них деньги и мыть их после еды, салфетки не нужны, руки тоже куда ходить мыть не надо – все можно сделать за столом. Модули хранения и очистки ножей и вилок интегрированы в стол-раковину. Сейчас как раз прорабатываю модификации с цифровым управлением, которые будут интегрированы в умный дом, и вопросы долгосрочного сотрудничества с партнерами.

Гриша слегка приврал – никаких партнеров не было. Никто, увы, не собирался производить и покупать стол-раковину – человечество не было готово к столь революционным преобразованиям в быту. По крайней мере пока это не будет сопровождено солидным маркетинговым бюджетом. Вместо почивания на лаврах создателя стола-раковины, практически каждый день Гриша приходил в ТЦ на окраине Москвы и надевал громоздкий плюшевый костюм с защитой всех частей тела, включая лицо – для него полагалась аж маска с металлической решеткой. Дело в том, что нелегкая работа кидголл-кэтчера подразумевала принятие на себя ударов футбольным мячом – таким образом детишки до 10-ти лет тренировались в меткости по неподвижной или движущейся мишени. В отличие от стола-раковины, сие пользовалось спросом – спортивные секции стоили прилично, и любящие родители не упускали возможность подготовить сына к триумфам на спортивном поприще хотя бы во время выходного променада по торговому центру. Да и какое дитяtko откажется от возможности причинить кому-нибудь хотя бы небольшую, но боль?

За последний год временной работы Гриша добился впечатляющих успехов в развивающей работе с детьми, ибо частенько даже перевыполнял свою функцию. Написанную на Гришином костюме фразу «Бей точнее, бей лучше» некоторые тандемы родитель-ребенок воспринимали буквально, и дети уважаемых господ частенько переходили в рукопашную атаку, в ходе которой Грише ничего не оставалось, кроме как покорно принимать удары руками и ногами под умильный смех родителей, мол, смотри, дорогая, какой удалой у нас паренек растет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.